

Мужейко Ирина Анатольевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков
и межкультурных коммуникаций
Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Irina Muzheiko
PhD in Philology, Associate Professor
of Department of Foreign Languages
and Cross-cultural Communication
Vitebsk Branch of International
University "MITSO"
Vitebsk, Belarus
ira_yur@mail.ru

ОБРАЗНОСТЬ АДЪЕКТИВНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

FIGURATIVENESS OF ADJECTIVE SIMILES

В статье рассматривается образность адъективных устойчивых сравнений (АУС), составляющих особый пласт фразеологических единиц, а также описывается механизм перехода логического сравнения в метафорическое, основанный на сближении трудно сопоставимых понятий. Анализ АУС, объединенных общими эталонами, позволил определить сходные и различные представления о человеке, отраженные в созданных образах. Выявление общих и специфических сравнений свидетельствует о единстве и своеобразии представленных лингвокультур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *фразеология; адъективные устойчивые сравнения; образность; образ; эталон; лингвокультура.*

The article focuses on figurativeness of adjective similes, which make up a special layer of phraseological units, and also describes the mechanism for the transition of a logical comparison into a metaphorical one, based on the convergence of concepts that are difficult to compare. The analysis of AS, united by common standards, made it possible to determine similar and different ideas about a person, reflected in the created images.

К e y w o r d s: *phraseology; adjective similes; figurativeness; image; standard; linguoculture.*

Изучение сравнения имеет долгую историю: оно было объектом исследования риторики, логики, философии, психологии, и лишь во второй половине XX в. российские ученые В. В. Виноградов, а затем и Н. М. Шанский выделили устойчивые сравнения (УС) в отдельную группу фразеологизмов. С течением времени данные единицы рассматривались в лингвострановедении, контрастивной и когнитивной лингвистиках, лингвокультурологии с целью выявления и описания национально маркированных УС в различных языках.

Фразеологический фонд принято считать наиболее самобытным явлением языка, так как он является средством трансляции культурной информации каждого этноса. По мнению И. В. Холманских, «эта специфика обусловлена прежде всего тем, что устойчивые сравнения возникают на основе образного представления о действительности, отображающего исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [1, с. 94]. Ряд исследователей национально-культурного своеобразия устойчивых сравнений – Е. М. Верещагин,

В. Г. Костомаров, Д. О. Добровольский, В. Г. Гак, Н. Н. Кириллова, В. Н. Телия – не находят единства в вопросе, каким единицам присуща национальная маркированность.

Так, например, В. Н. Телия утверждает, что «источником культурно-национальной интерпретации является и характерная для данной лингвокультурной общности система образов-эталонов, запечатленных в ходячих устойчивых сравнениях типа *глуп как баран, стройная как березка* и т.п.» [2, с. 241].

В то же время все ученые сходятся во мнении, что устойчивые сравнения несут не только знания об окружающем мире, но, что наиболее важно, – оценивание этого мира в образах-эталонах, основанных на бытовых условиях носителей того или иного языка, традициях и духовной культуре этносов.

Д. О. Добровольский полагает, что «априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально-специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным» [3, с. 251]. Иными словами, немногочисленные тождества во фразеологии обусловлены, в первую очередь, несовпадением техники номинации, проявляющемся в различных актуальных значениях единиц или создаваемых образах.

В данной статье мы рассматриваем адъективные устойчивые сравнения (АУС) ряда славянских, балтийских и германских языков, представляющие собой особый пласт фразеологических единиц, характеризующихся особой моделью построения. Как отмечает Н. Б. Мечковская, устойчивые сравнения являются синтаксической универсалией [4, с. 307]. Так, структура любого устойчивого сравнения соответствует формуле АС_mВ, где элемент А (субъект сравнения) – факультативный член, который может не выражаться, но всегда предполагается; элемент С (первый компонент, основание сравнения) обозначает признак сравнения, элемент В (второй компонент, образная основа) называет объект сравнения, то, с чем сравнивается; элементом *m* выступает сравнительный союз. Например, в АУС *холодный как лягушка* элемент А не имеет словесного выражения, но подразумевает человека; прилагательное *холодный* – основание сравнения; союз *как* – элемент *m*; существительное *лягушка* – элемент С, образная основа, эталон. Аналогичная структура присуща АУС других языков, в частности, бел. *дужы як зубр*, чешск. *malý jako svrček* ‘маленький как сверчок’, болг. *черен като вампирин* ‘черный как вампир’, хорв. *ljut kao ris* ‘злой как рысь’, лат. *stalts kā briedis* ‘статный как олень’, англ. *as fair as a lily* ‘прекрасный как лилия’, швед. *röd som en kalkon* ‘красный как индюк’ характеризуют человека с разных сторон (внешность, характер).

Помимо универсальной конструкции выделяют и другие признаки АУС, позволяющие отнести их к фразеологическим единицам: 1) сравнительная семантика, выраженная сравнительным союзом; 2) «застывшие» субъект и объект сравнения; 3) постоянный признак, легший в основу сравнения; 4) чувственно-наглядное отражение окружающего мира. Безусловно, АУС

обладают и другими не менее важными фразеологическими признаками – воспроизводимость, отдельнооформленность, устойчивость, образность и эмотивность.

Как уже упоминалось выше, устойчивое сравнение построено на основе логического, однако, служит выражением не понятия, а восприятия, то есть чувственного отражения действительности в сознании. Именно здесь и рождается образ, дифференцирующий устойчивые сравнения от логических.

Как известно, значение фразеологической единицы не вытекает из семантики каждого отдельного слова, входящего в его состав: свободное словосочетание объединено в целостную единицу благодаря переносно-образному значению. Тожественные адъективные устойчивые сравнения русск. *белый как снег* – бел. *белы што снег* – чешск. *bílý jako padlý sniž* – болг. *бял като сняг* – хорв. *bijel kao snijeg* – лат. *balts kā sniegs* – англ. *as white as snow* – швед. *vit som snö* вовсе не означают, что кожные покровы лица и/или тела имеют тот же цвет, что и снег, так как такое невозможно в силу физиологии. Человек может побелеть из-за стресса (от сопутствующего спазма сосудов), из-за возраста (с годами ухудшается кровоснабжение), из-за малоподвижного образа жизни (в силу замедления кровотока), а также из-за ряда заболеваний. Но в любом случае оттенок кожи не будет столь интенсивно белым, как снег.

Фразеологизация сравнения предполагает переход сравнительного значения в метафорическое на основании общего признака сопоставляемых предметов и явления уподобления субъекта объекту сравнения. В то же время следует разделять метафору и сравнение, опираясь на следующие характеристики: 1) в сравнении присутствует компаративная связка, свидетельствующая об акте сравнения; 2) метафоре свойственно отождествление, в то время как сравнению – уподобление; 3) метафора есть наименование какого-либо предмета именем группы предметов иного рода; сравнение, в свою очередь, есть лишь сближение предмета с группой предметов другого рода.

Таким образом, в устойчивых сравнениях компоненты используются в своем прямом значении, не подвергаясь переосмыслению, но и не теряют образности внутренней формы. Создание образа достигается значительным превышением степени признака элемента В нежели элемента С, вследствие чего признак элемента С возрастает до степени признака элемента В. Например, в АУС чешского языка *chlupatý jako opice* ‘волосатый как обезьяна’ слово *обезьяна* является выразителем признака заросшего, нестриженного человека. Но сколь бы неухоженными ни были люди, они не станут (в силу физиологии) своим волосатым покровом походить на приматов. Или, к примеру, в шведском АУС *smärt som en furu* ‘стройный как сосна’ существительное *сосна* ассоциируется с хорошо сложенным, фигуристым человеком, однако невозможно достичь пропорций дерева ни одному представителю человеческой расы. Очевидно, усиление признака субъективно, так как степень проявления признака первого элемента всегда неизменна.

Объективно существует некая аналогия характеристик сравниваемых предметов, но в то же время в сближении более слабого признака и более сильного кроется субъективное в проявлении чувственного восприятия признака. И чем больше амплитуда в ощущении последнего, тем экспрессивнее сравнение.

Благодаря сближению далеких, трудно сопоставляемых понятий активизируется психическая деятельность читателя или слушателя, создается эмоциональное напряжение, строится образ. Иными словами, чем дальше друг от друга в реальности сравниваемые объекты, тем ярче их экспрессия: русск. *вспыльчивый как спичка, неподвижный как камень*, бел. *дужы як зубр, сонны як мёртвы*, чешск. *čiperný jako veverka* ‘проворный как белка’, *starý jako Abrahám* ‘старый как Авраам’, болг. *гол като хурка* ‘беден как прялка’, *плешиив като електрическа крушка* ‘лысый как электрическая лампочка’, хорв. *dosadan kao uš* ‘надоедливый как вошь’, *jak kao hrast* ‘крепкий как дуб’, лат. *mens k̄a zivs* ‘немой как рыба’, *tievs k̄a diegs* ‘тонкий как нитка’, англ. *as swift as an arrow* ‘быстрый как стрела’, *as mad as a hornet* ‘бешеный как шершень’, швед. *dum som en höna* ‘глупый как курица’, *utstyrd som påfågel* ‘разодетый как павлин’. Таким образом, здесь раскрывается эвристическая функция сравнений, проявляющаяся в более глубоком и широком познании окружающего мира, восприятию его с, порой, неожиданных сторон.

Из приведенных выше примеров АУС различных языков становится ясно, что сначала складывается некая ситуация, описанная сравнением с буквальным значением. За ней закрепляется содержание, которое впоследствии переосмысливается, что и влечет создание образа устойчивого сравнения на базе прямого значения входящих в него слов. Как видно, семантика УС выводима из семантики первичного словосочетания. Это явление свойственно всем фразеологическим единицам и определяет их образность, экспрессивность, национальную самобытность. Исходные слова, используемые в устойчивых сравнениях, создают образ. По мнению В. И. Зимина, употребление конкретных наименований представителей фауны и флоры, предметов, природных явлений и так далее, вызывает у реципиента чувственно-наглядное представление, влекущее создание образности устойчивых сравнений [5].

Как и другие фразеологизмы, сравнения антропоцентричны, поскольку человек сначала примеряет свойства какого-либо предмета, а потом переносит их на субъект сравнения. В качестве примера рассмотрим АУС со вторым элементом *муха*, выявленные нами только в славянских языках. Эти насекомые зачастую наделены негативным значением, и их символизм связан с большим количеством, назойливостью и нечистотой. Нейтрально воспринимается небольшой размер мух как представителей класса насекомых в целом.

Эталонами назойливости мухи выступают в чешском и болгарском языках: *dotěrný jako moucha* ‘назойливый как муха’ и *нахален, досадан като муха* ‘нахальный, надоедливый как муха’ соответственно. Отдельно отметим,

что вариантом образной основы вышеупомянутого болгарского сравнения является *конска муха* ‘слепень’, отличающийся большей агрессивностью и вредоносностью.

Для белорусов муха стала эталоном злобы: *злосны як спасаўская муха, злосныя (куслівыя) як мухі ў спасаўку (перад спасам)*. Известно, что именно в августе активизируются некоторые виды мух, так как чувствуют приход холодов и скорую гибель. В связи с этим у них возрастает потребность в белке, который они получают из крови.

В русском языке муха стала олицетворением вялости: *вялый как (сонная) муха*; в чешском – слабости: *slabý jako moucha* ‘слабый как муха’, в болгарском – кротости: *тих като мушица* ‘тихий, кроткий как мушка’ и доброты: *добър като муха* ‘добрый как муха’. Вероятно, положительная оценка этих насекомых вызвана существованием более опасных и вредных сородичей, по сравнению с которыми мухи не кажутся столь негативными.

Шведское АУС *lätt som en fluga* ‘легкий как муха’ характеризует массу человека, а не его черты характера, в чем проявляется, на наш взгляд, нейтральный образ насекомого в скандинавской культуре.

Рассмотрим образы *кота* и/или *кошки*, нашедших отражение в АУС представленных языков. Традиционно этих домашних животных наделяют грацией и изяществом, свободой и своеволием, обманчивостью и хитростью, неуловимостью и живучестью, ленью и похотливостью, связью с темными силами и колдовством. В АУС нашли отражение почти все вышеперечисленные представления об этих представителях фауны. К примеру, говорят, у котов девять жизней, что легло в основу следующих единиц: русск. *живучий(ая) как кошка*, бел. *жывучы як кот/кошка*, хорв. *žilav kao mačka* ‘живучий как кот/кошка’. Ловкость домашнего зверька также запечатлена в АУС русского языка: *ловкий, гибкий как кошка*, чешск. *mrštný jako kočka* ‘ловкий как кошка’, хорв. *žustar kao mačka* ‘ловкий как кошка’, лат. *veikls kā kaķis* ‘ловкий как кошка’. Похотливость котов и кошек отмечена в русской фразеологической единице *блудливый как (мартовский) кот*; жадность – в белорусской и чешской *ласы як кот на каўбасы* и *mlsný jako kocour/kočka* ‘жадный как кот/кошка’ соответственно; лицемерие – в чешской *falešný jako kočka* ‘лживый как кошка’.

В следующих примерах отражены специфические образы кота и кошки, нашедшие отражение в разных лингвокультурах и не обладающие традиционным символизмом. Так, русские, говоря о женщине и сравнивая ее с кошкой, наделяют первую как положительным качеством, так и отрицательным: *ласковая как кошка (кошечка)* и *тощая, худая как (драная) кошка* соответственно. У чехов кошка стала эталоном усталости *utahaný jako kočka* ‘уставший как кошка’ (ср. русск. *уставший как собака*, хорв. *umoran kao pas* ‘уставший как собака’, лат. *piekūsis kā suns* ‘уставший как собака’, англ. *as tired as a dog* ‘уставший как собака’).

Особый взгляд на питомца у англичан, для которых кошка является эталоном нервозности *as nervous as a cat* ‘нервный как кот/кошка’, болезненности *as sick as a cat* ‘больной как кот/кошка’ и слабости *as weak as a cat* ‘слабый как кот/кошка’.

Помимо перечисленных черт характера или состояний, в которых пребывает человек, переданных с помощью образов кота или кошки, некоторые особенности внешности «списаны» с облика этих животных. Например, усы *редкие как у кота* или глаза *зеленые, желтые как у кошки*.

Таким образом, отнесение устойчивых сравнений к фразеологии обусловлено рядом причин, в частности, их образностью. Именно эта характеристика отличает логические сравнения от устойчивых, так как последние служат выражением восприятия, а не понятия.

Как показало проведенное исследование, выбор АУС того или иного образа происходит спонтанно, и чаще всего он понятен и даже очевиден, но порой требует пояснений носителям других языков и культур.

Использование компонентов устойчивых сравнений в своем прямом значении упрощает понимание фразеологических единиц других языков при дословном переводе, поскольку в таком случае прослеживается мотив их создания.

Эталоны рассмотренных АУС служат «мерилом» состояния человека, что отражает как общее, так и специфическое представление об окружающем мире носителями представленных лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холманских, И. В. Компаративные фразеологизмы с компонентом-зоонимом в языковой картине мира (на материале русского и болгарского языков) / И. В. Холманских // II славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова : материалы междунар. науч. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2001. – С. 94–95.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 285 с.
3. Баранов, А. Н. Основы фразеологии : крат. курс : учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 307 с.
4. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – Минск : Амалфея, 2000. – 368 с.
5. Зимин, В. И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма / В. И. Зимин // Современная фразеология: тенденции и инновации / Н. Ф. Алефиренко [и др.] ; отв. ред. А. П. Василенко. – М. [и др.], 2016. – С. 32–51.

Поступила в редакцию 24.10.2022